

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

УДК 271.2:94(470+571)"17/19"

doi: 10.17072/2219-3111-2016-4-124-132

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО- ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.)

П. В. Шевкун

Витебский государственный медицинский университет, Республика Беларусь, 210023, Витебск, пр. Фрунзе, 27
p.shevkun@mail.ru

Раскрывается роль церкви как элемента коммуникации на территории северо-западных губерний в конце XVIII – начале XX в. Отмечено её место в процессах информационного обмена. Выделены направления коммуникации, раскрыто их содержание. С учётом специфики региона на конкретных примерах рассмотрено изменение коммуникативной роли православной церкви. Сделан общий вывод об эволюции церкви как важнейшего звена коммуникации в условиях перехода от традиционного общества к современному.

Ключевые слова: коммуникация, общество, православная церковь, епархия, северо-западные губернии Российской империи.

В указанное время на территории Российской империи выстраивается модель (её можно назвать секулярной церковностью), определившая место православной церкви¹ в социальной системе. В её рамках значимость религиозной корпорации зависела не только от удовлетворения духовных потребностей, но и от выполнения целого ряда социальных задач, как технического, так и концептуального характера. В сфере коммуникации церковь становилась средством трансляции населению правительственных распоряжений, сбора информации, легитимации социальных отношений, просвещения. Всё это должно было совмещаться с сугубо религиозной коммуникацией, а не противоречить ей. В свою очередь государство, как наиболее значимый социальный институт, брало на себя обязательства опеки над церковью, что выражалось в обеспечении существенной части её материальных и функциональных возможностей.

При этом церковь не превращалась в элемент государственного механизма, что видно на примере выработки и передачи распоряжений, невмешательства государства в вопросы культа (ПСЗРИ, т. 32, с. 863). На практике грань между опекой и администрированием была далеко не всегда очевидна. Кроме того, случались и злоупотребления, когда государство позволяло себе оценивать отдельные формы культовой практики, а внутрицерковные проблемы и пути их преодоления становились предметом общественных дискуссий. Тем не менее, когда эта опека переходила определённые рамки и могла иметь системное значение, церковь обладала механизмами противостояния пагубным, с точки зрения епископата, начинаниям. Так было с проблемой реформы церковных судов в 1870-х гг.

Подобная роль церкви была обусловлена как практическими, так и идейными соображениями. Первые заключались в том, что в условиях острой нехватки чиновничьих кадров, плохих транспортных коммуникаций, относительно низкой плотности населения и, как следствие, существенной удалённости села от города, фактически тотальной безграмотности населения у государства просто не было возможностей создания собственных каналов информационного взаимодействия с подданными. В этих условиях церковь вполне могла их заменить. Вторые были обусловлены тем, что, имея архаичные сословно-корпоративные структуры, относительно низкую мобильность населения и тесно связанный с ними абсолютистский режим, легитимность существующей социальной системы было невозможно поддерживать, игнорируя религиозную, традиционалист-

скую составляющую. Вместе с тем её одной уже было недостаточно. Государство стремилось проникнуть в различные пласты социума, перестраивая границы корпораций, меняя устоявшиеся правила. Эта роль требовала легитимации, прежде всего в глазах аристократии и иных социальных элит. Поэтому был актуален симбиоз традиционной легитимности с модерной или национальной.

Сословно-конфессиональная специфика северо-западных губерний, выражавшаяся в поликонфессиональном характере региона, где православию приходилось выдерживать серьёзную конкуренцию с другими, прежде всего христианскими, конфессиями, господство католической аристократии, из-за чего социальная база православия была бедной и нестатусной, предполагали особую заинтересованность церкви и российской власти во взаимодействии. Благодаря этому некоторые новации в сфере коммуникации имели своеобразие и осуществлялись вначале в белорусско-литовских епархиях, а лишь затем распространялись на другие.

Цель статьи – раскрыть основные сферы коммуникации православной церкви на территории северо-западных губерний в конце XVIII – начале XX в. К ним можно отнести внутрицерковную, государственно-церковную, приходскую, а с появлением средств массовой информации – и коммуникацию церковь – общество.

Внутрицерковную сферу составляют оборот документации, административные распоряжения, прошения, консультации и принятие согласованных решений. Для этого требовались организация административных центров, компактное расположение приходов, достаточный уровень образования духовенства. Практически во всех указанных сферах для преобразований нужны были согласие и содействие властей. Как правило, эти проекты финансировало и контролировало государство.

До ликвидации Брестской церковной унии (1839 г.) православные епархии региона были относительно малочисленными при большой территориальной протяжённости. Существовало две епархии: Минская и Белорусская (Могилёвская), которые включали в себя Гродненскую, Виленскую, Минскую и, соответственно, Витебскую, Могилёвскую губернии. В мае 1797 г. вышло распоряжение о разделе православных епархий империи на благочиния (ПСЗРИ, т. 24, с. 607). Это позволяло наладить более эффективную коммуникацию, поскольку в округ предполагалось включать от 10 до 30 церквей, позднее ограничили 15. Однако в белорусско-литовских епархиях деление на благочиния не получило распространения. Вместо этого практиковалось создание правлений или приказов, которые делились на десятоначалия (НИАБ. Ф. 2301. Оп. 1. Д. 7. Л. 116).

Следующие административные мероприятия прошли в преддверии массового присоединения униатов. В 1833 г. из состава Могилёвской была выделена Полоцкая епархия. После 1839 г. в результате объединения православных и униатских епархий в Минскую епархию вошли бывшие униатские церкви на территории Минской губернии, а православные церкви Гродненской губернии и Белостокской области причислялись к Литовской епархии. Соответственно губернскому делению распределялись и церкви бывшей униатской Белорусской и православной Полоцкой епархии. По указанному принципу были разделены церкви между Могилёвской епархией и Полоцкой [Шавельский, 1910, с. 364]. В результате только Литовская епархия включала в себя более одной губернии. В 1848 г. упразднили духовные правления и заказы, оставив только благочиния (НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 19402. Л. 9). Эти меры были направлены на упрощение административной структуры. С целью ликвидации помех и придания большего значения иерархической коммуникации прихожане, помещики устранялись от непосредственного влияния на выборы причтов, награждения духовенства (ПСЗРИ, т. 24, с. 636). Последние территориально-административные преобразования в регионе произошли в 1900 г., когда была образована Гродненская епархия.

Важнейшей стороной рассматриваемого направления коммуникации являлось делопроизводство. С 1797 г. над ним устанавливался контроль. Секретарей консисторий обязали регулярно представлять в Святейший синод ведомости «о делах решённых и остающихся без решения» [Григорьев, 2004, с. 99]. Ведение собственно церковной отчётности священнослужителями также находилось под пристальным вниманием епархиального руководства. В Белорусской духовной консистории в 1798 г. рассматривалось дело о двух священниках, которые не представили в срок исповедных ведомостей. Один был оставлен без взыскания, так как первый год священнодействовал, а второго определили «на дячковское место», поскольку его вина усугублялась тем, что он «поведения весьма не похвального и не трезвого» (НИАБ. Ф. 3020. Оп. 1. Д. 14., Л. 12, 41, 64).

Ключевым элементом коммуникации был приходской священник. Для того чтобы информация имела необходимый с религиозной и политической точки зрения эффект, важны были не только ритуал или слово, но и остальные стороны деятельности духовенства, поскольку церковь стремилась влиять на поведение верующего. Распоряжением Святейшего синода от 9 июля 1800 г. епископов обязали собирать с благочинных отчёты об образе жизни клириков не реже одного раза в два года. Благочинным (десятоначальникам) предписали не менее двух раз в год осматривать церкви (Руководственные ..., 1879, с. 226, 227). 2 марта 1827 г. Синод распорядился сообщать обо всех происшествиях в церквях с участием духовенства, «чтобы служители алтаря Господня, быв по своему званию наставниками народа, учили его не одним словом, но и главнейше примером доброй нравственности». 17 марта 1828 г. Государственный совет предписал архиереям «иметь деятельный надзор за поведением священнослужителей» (Руководственные ..., 1879, с. 284–285).

В 1841 г. был принят устав духовных консисторий. В нём обобщили и унифицировали законодательство в сфере епархиального управления. Важнейшими функциями епископата являлись «охранение и распространение Православной веры». Определялись цели и задачи консисторий, их полномочия, порядок управления, регламентировалась деятельность духовных судов.

В правление Александра II процесс коммуникации в церкви вышел на качественно новый уровень. В некоторой степени изменились информационные потоки: к обсуждению проблем, а следовательно, пусть в малой степени и к принятию решений, начали привлекаться заинтересованные стороны. В 1865 г. были созданы епархиальные ревизионные комитеты по проверке отчетности о средствах консисторий, духовных учебных заведений, церковноприходских школ, братств и попечительств. Появились и начали регулярно проводиться съезды епархиального духовенства. На них обсуждались вопросы духовного образования, миссионерской, издательской деятельности и др. [Цыпин, 2004]. В 1883 г. приняли новый устав консисторий, который, впрочем, мало чем отличался от предыдущего.

В 1860-е гг. стали возникать советы благочинных. Первым, кто такой совет созвал в 1865 г. для обсуждения вопросов религиозного воспитания и нравственности, был Минский архиепископ Михаил (Голубович). Согласно уставам духовных училищ и семинарий (1867 г.) в повестку дня таких собраний следовало включать учебные дела, выборы делегатов на окружные и епархиальные училищные съезды, вопросы финансирования [Смолич, 2004].

Особой стороной внутрицерковной коммуникации являлась система духовного образования. Её развитие было связано с постепенным изменением роли духовенства: от сакрального авторитета к лидеру религиозной общины, когда надо было не только священнодействовать, но и убеждать. В связи с этим от духовенства требовался более высокий уровень образования, в рамках которого оно могло бы выступать эффективным элементом коммуникации, способным адекватно социальным требованиям предоставлять информацию и регулировать её потоки.

18 декабря 1797 г. были открыты ещё две духовные академии: в Санкт-Петербурге и Казани. Их главной задачей являлась подготовка учителей для других духовных учебных заведений. Средние заведения были представлены семинариями. На территории Беларуси существовали семинарии в Могилёве (Белорусская) и Слуцке (Минская). В 1797 г. численность учеников в Могилёвской достигла 160, в Слуцкой – 70. Семинарии были приписаны соответственно к Санкт-Петербургской и Киевской академиям (НИАБ. Ф. 3020. Оп. 1. Д. 14. Л. 307, 260).

Наиболее значимые реформы в системе духовного образования начались 21 апреля 1805 г. указом Святейшего синода о заведении при церквях приходских училищ для детей духовно- и церковнослужителей (НИАБ. Ф. 3021. Оп. 1. Д. 312а. Л. 3–5). В 1808 г. в Могилёвской епархии открыли Гомельское и Невельское духовные училища, в 1810 г. – ещё 18. В 1808–1814 гг. была сформирована трёхуровневая система образования: уездные училища, семинарии и академии. Было создано три округа во главе с академиями. Минская семинария вошла в Киевский округ, Могилёвская – в Санкт-Петербургский. Общее руководство в сфере духовного образования осуществлялось Комиссией духовных училищ при Святейшем синоде. Семинарии и училища изъяти из подчинения епархиальных архиереев. В 1814 г. вступили в силу новые уставы академий, семинарий, уездных и приходских училищ. Реорганизация в Могилёвской и Минской епархиях произошла в 1817 г. В Могилёвской епархии закрыли 9 училищ и открыли 1 (Велижское). В Минской епархии из состава семинарии были выделены приходское и уездное училища.

Следующие масштабные реформы были проведены в 1860-х гг. В 1867 г. утвердили уставы семинарий и духовных училищ, в 1869 г. – устав духовных академий. Они предусматривали новое устройство управления, которое сосредоточилось в учебном комитете при Святейшем синоде. Ранее существовало духовно-учебное управление, подчиненное обер-прокурору. Это было значимое событие, поскольку позволило освободить систему образования от излишнего контроля со стороны государства. Структура становилась более гибкой, так как упразднились академические учебные округа и академии освобождались от управления семинариями. Администрирование духовных школ строилось на началах коллегиальности и самоуправления. Вводились академические советы, а также семинарские и училищные правления из преподавателей и выборных представителей местного духовенства [Цытин, 2004]. Результатом развития системы духовного образования в белорусско-литовских епархиях стало то, что в конце XIX в. все священники имели образовательный уровень не ниже семинарского [Канфесіі ..., 1998, с. 77]. Эти реформы позволили сделать процесс обмена корпоративной и учебной информацией более эффективным, поскольку были максимально учтены интересы его участников, а образование дало возможность воспринимать информацию любого уровня сложности.

Важной вехой в организации более эффективного внутрицерковного взаимодействия стало появление «Епархиальных ведомостей». Решение Святейшего синода об их издании было принято в конце 1859 г. Тогда же утвердили унифицированную программу издания. Согласно ей номер должен был состоять из официальной и неофициальной частей, в которых публиковались административные распоряжения, новости и дополнительный материал, необходимый для успешной деятельности духовенства. На территории белорусско-литовских губерний первые «Ведомости» вышли в Литовской епархии (1863 г.), затем в Минской (1868 г.), Полоцкой (1874 г.), Могилевской (1883 г.) и Гродненской (1901 г.). Периодичность их составляла от двух до четырёх раз в месяц. Объём определили около 40 страниц. Его хватало для размещения всей необходимой информации.

Программа же «Ведомостей» предполагала разнообразие материала [Шимолін, 2010, с. 11]. Тем не менее содержание их было ограничено узко понимаемой церковно-духовной сферой и официальной доктриной: «православие, самодержавие, народность». Это существенно сужало информационные и аналитические возможности «Ведомостей». Кроме того, широко использовался перепечатываемый материал, а значит, информация существенно запаздывала. Данное обстоятельство, разумеется, не умаляло значения появления корпоративного издания. С этого времени можно говорить о том, что церковь начала адаптироваться к обществу, в котором ключевое место занимает потребитель информации, формирующий индивидуальный взгляд на различные социальные аспекты.

Внутрицерковная коммуникация тесно переплеталась с *государственно-церковной*. Она предусматривала сбор статистических данных, доведение до населения политически значимой информации, контроль над политической лояльностью. Для этого необходимы были реорганизация епархий соответственно губернскому делению, перевод духовных правлений в города. До ликвидации унии на территории белорусско-литовских губерний принцип «одна губерния – одна епархия» не соблюдался, в результате чего государственно-церковное взаимодействие вдали от епархиального центра было затруднено.

Тем не менее епархиальное деление в регионе старались привести в максимальное соответствие с губернским. Согласно указу Святейшего синода о перемещении правлений из местечек и сёл в города состоялся переезд ряда правлений. В Минской епархии был осуществлён перевод епархиального управления из г. Слуцка в губернский г. Минск [Рункевич, 1893, с. 409–424].

О значимости взаимодействия церковной и государственной администраций можно судить на примере указа от 11 января 1798 г. о наделении сельских церквей землёй. Духовенство не должно было лично обрабатывать надел. Он передавался прихожанам с условием внесения в пользу церковного причта натуральных или денежных платежей. Основным недостатком указа было отсутствие разработанной системы его реализации, что явилось следствием низкого уровня коммуникации между различными уровнями государственной иерархии. Это привело к самодеятельности губернских и епархиальных властей. Так, Минское губернское правление распорядилось полностью изъять положенное по указу количество земли в приходах, духовенство которых пользовалось наделами сверх нормы. На территории Белорусской губернии были назначены духовные депутаты для выработки соглашений «совместно с светскими присутственными местами». Однако к осени

1800 г. положение о содержании духовенства составили только в половине уездов (НИАБ. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 753. Л. 79, 208 об., 216–218, 318–320, 434–439 об.). 3 апреля 1801 г. из-за большого количества жалоб Александром I было отменено постановление от 11 января 1798 г. (ПСЗРИ, т. 24, с. 605). Возвращение к прежней системе породило новый комплекс проблем по возврату церковных угодий. В результате вопрос о снабжении церковных причтов так и не был решён, несмотря на то, что указы об этом принимались в 1804, 1807, 1808, 1809, 1810 гг.

На данном примере видно, насколько важными были наличие программы реализации решения и слаженное взаимодействие светских и духовных властей. В Святейшем синоде это понимали, поэтому регулярно собирали информацию о делах, которые не решались по вине судебных инстанций. Так, в 1807–1809 гг. в Минской духовной консистории большинство таких дел было связано с имущественными конфликтами (НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1901. Л. 2об.). В указах 1807 и 1818 гг. содержалось требование о незамедлительном выполнении губернскими правлениями решений епархиального руководства (ПСЗРИ, т. 29, с. 1215–1217). Указом Святейшего синода от 22 августа 1812 г. обер-прокурор настаивал на доставлении ежегодно сведений о решённых и нерешённых делах по консисториям, в том числе из-за отсутствия содействия гражданских властей (ПСЗРИ, т. 32, с. 413–414).

Важнейшей сферой государственно-церковного взаимодействия было предоставление статистической информации, прежде всего троечастных ведомостей (регистрация рождения, брака и смерти). Так, в 1799 г. Гомельское духовное правление было оштрафовано на 25 рублей за их не предоставление в срок (НИАБ. Ф. 3020. Оп. 1. Д. 14. Л. 12, 41, 64). С 25 августа 1802 г. приходские священники начали доставлять ведомости, как в консисторию, так и в полицию для ежегодной сверки (ПСЗРИ, т. 39, с. 230–231). В 1812 и 1824 гг. Синод подтвердил указами необходимость соблюдения правил при ведении церковной отчётности (ПСЗРИ, т. 32, с. 197–198).

Коммуникативные возможности духовенства использовались для контроля над политической лояльностью подданных. Наиболее значимым был указ от 7 мая 1797 г. В нём определялись обязанности духовенства в случае неповиновения крестьян помещикам. Распоряжением Синода от 9 июля 1800 г. причастного к крестьянским беспорядкам священника епархиальные власти должны были, «отреша от прихода, и запрета священнослужение, отсылать к суждению в светское правительство». Епископов обязали собирать с благочинных отчёты о поведении клириков не реже одного раза в два года (Руководственные ..., 1879. с. 226, 227). Правительство стремилось хоть как-то контролировать коммуникацию в приходах.

На качественно новый уровень взаимодействие губернских и епархиальных властей в регионе выходит в 1830-х гг. Это было связано с тем, что в 1832 г. император потребовал от Святейшего синода принятия мер для «безотлагательного улучшения состояния православных церквей и духовенства в возвращённых от Польши губерниях», а также с поддержкой правительством миссионерской деятельности в отношении униатов. Создание Полоцкой епархии в 1833 г. установило новую парадигму взаимодействия светских и духовных властей. Задача упрочения позиций православия обусловила не только тесный союз высшей российской бюрократии западных губерний с православной иерархией региона, но и усиление контроля с её стороны над деятельностью православного духовенства. Витебский, Могилёвский и Смоленский генерал-губернатор, Витебский военный губернатор по указанию центральных властей обязаны были оказывать миссионерам государственную поддержку, защитить позиции православной церкви, обеспечить контроль над соблюдением формальных правил при присоединении униатов. Для более успешного взаимодействия выделялись чиновники по особым поручениям при главах губерний (учреждены 7 ноября 1833 г.), на них возлагалась обязанность координации действий духовенства и администрации. Каналами коммуникации являлись личная переписка и непосредственное взаимодействие. В результате произошло объединение униатских епархий с православными. Это позволило привести в большее соответствие епархиальное деление губернскому, что существенно упрощало взаимодействие светской и духовной администрации.

На общецерковном уровне реформы в высших институтах управления прошли в 1840-х гг. Магистральным направлением преобразований было приведение их структуры в соответствие с государственными ведомствами. 1 марта 1839 г. были организованы или значительно преобразованы канцелярия Святейшего синода и обер-прокурора, духовно-учебное управление, хозяйственное управление [*Благовидов*, 1899, с. 428]. В 1842 г. были продолжены инициированные в 1832 г. меро-

приятия по материальному обеспечению православных приходов. Николай I, поражённый бедностью присоединённых церквей из унии, вновь сделал распоряжение о строительстве и ремонте церквей в государственных имениях и приглашении к этому помещиков. Это приглашение было повторено 15 ноября 1851 г. и 17 июня 1852 г. [Извеков, 1899, с. 370]. Очевидно, у руководства не было механизма реализации принимаемых решений, степень их легитимности оставалась низкой, поэтому властям приходилось принимать чрезвычайные меры для того, чтобы информация была соответственно воспринята и имела нужные последствия.

Во второй половине XIX – начале XX в. происходят изменения в сфере государственно-церковной коммуникации, проявившиеся, с одной стороны, в усилении государственной опеки над церковью, с другой – в снижении её роли в качестве уникального канала коммуникации государства и подданных.

В соответствии с первой тенденцией многие решения в отношении церкви уже зависели не только от императора и его представителя – обер-прокурора, но и от Государственного совета. Кроме того, постоянно поднимался вопрос материального обеспечения духовенства. Такие инициативы отмечены в 1862, 1869, 1871, 1892 гг. Манифест Николая II от 26 февраля 1903 г. снова провозгласил меры по «проведению в жизнь мероприятий, направленных к улучшению имущественного положения православного сельского духовенства». В 1910 г. при Святейшем синоде был организован особый отдел по разработке плана мероприятий для материального обеспечения духовенства [Цытин, 2004].

Вторая тенденция была связана с процессом ликвидации сословных границ, распространением средств массовой информации, появлением значительного количества служащих, различных комиссий, ориентированных на сбор и обработку статистической информации, развитием транспортных коммуникаций. Активизация политической жизни, вовлечение в неё представителей различных слоёв показывали государству недостаточность ресурсной базы церкви для легитимации социальных отношений модернизирующегося общества.

В свою очередь, церковная иерархия видела, что зависимость от государства не позволяет ей занять определённую социальную нишу, поскольку вместо решения своих корпоративных задач организация вынуждена заниматься решением государственных. В результате в 1905 г. было открыто предсоборное совещание. Началась подготовка к восстановлению патриаршества как важнейшего элемента автономизации церковной жизни.

Активизация внутрицерковной и государственно-церковной коммуникации одним из итогов имела *укрепление связей внутри православной общины, прежде всего на уровне приходов*. Для этого были созданы необходимые условия. Благодаря ликвидации унии приходы стали более компактными; ремонт церквей, строительство домов для причта, государственное жалованье должны были решить наиболее насущные проблемы духовенства, которые могли отвлекать от выполнения своих обязанностей.

Все православные верующие обязаны были не менее одного раза в год совершать исповедь и причастие (ПСЗРИ, т. 26, с. 521). Принятый ещё в правление Павла I манифест «О трёхдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о не принуждении работать в дни воскресные» предполагал, что у крестьян останется время для еженедельного посещения церкви. В случае отсутствия у прихожан такой возможности священников обязали самих приезжать в деревни (НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 6960. Л. 3 об.). В указе от 22 марта 1800 г. была подчёркнута обязанность причта не менее пяти раз в неделю совершать службу, читать ежедневные поучения, а также сочинять и говорить проповеди в воскресные и праздничные дни. 25 января 1821 г. обобщили «правила преподавания в церквах учения» (Руководственные ..., 1879, с. 380–381).

В правление Николая I эти мероприятия вышли на системный уровень. Правительство рассчитывало, что священник будет сочетать роли духовного авторитета и лидера общины. В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как-то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство». В семинариях стали создавать подготовительные классы для кандидатов в священники (Извлечение ..., 1851, с. 62–64). Одним из направлений практического применения полученных знаний было участие духовенства в профилактических мероприятиях против оспы и холеры. В православные епархии в 1852 г. были разосланы на русском и польском языках пособия «О мерах и предосторожностях при появлении болезни – холеры» (НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 24443. Л. 1–2 об.).

В правление Александра II программы были скорректированы. Утопичность представлений о роли духовенства в предыдущее правление становилась всё более очевидной. Специализация знаний, повышение профессиональных требований к духовенству обусловили то, что в 1858 г. из программы семинарий была изъята геодезия и сокращено преподавание естествознания. В 1865 г. отменили изучение медицины, естествознания и сельского хозяйства.

Особая роль предназначалась духовенству в сфере просвещения. Это было удобно и с прагматических, и с идейных позиций. Во-первых, другой общественной категории, способной взять на себя эту миссию, просто не было, во-вторых, предметы, которые в иной ситуации было бы невозможно связать с религией, благодаря духовенству приобретали религиозное наполнение, содействуя легитимации социальной системы.

В западных губерниях ещё в 1836 г. приняли решение об открытии при церквях школ для детей прихожан (НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 323. Л. 3, 7). Активизировался этот процесс с 1839 г. 27 июня 1842 г. вышло постановление «Об устройстве сельских приходских училищ в казённых селениях» (ПСЗРИ, т. 17, с. 701–702). Обучение было бесплатным. Так, в Минской епархии в 1841 г. было 33 школы, в 1842 открылось ещё 20. Во второй половине XIX в. эти мероприятия продолжили. Особенно интенсивно открытие церковно-приходских школ проходило в 1880-х гг. на территории белорусско-литовских епархий [Канфесии ..., 1998, с. 83]. Ключевая роль духовенства в получении начального образования, а для большинства населения это был предельный уровень, сохранялась вплоть до социальных потрясений конца 1910-х гг.

С середины XIX в. предпринимаются попытки выработки специальных форм коммуникации в рамках прихода. С этой целью организуются церковные братства, археологические и исторические церковные общества, которые приступают к изданию историко-статистических описаний епархий.

Активизацию приходской коммуникации можно рассматривать как важнейшее звено взаимодействия на уровне *церковь – общество*, который достигается во второй половине XIX в. В это время происходит «открытие» духовного сословия. Так, 21 марта 1871 г. было разрешено занимать церковные должности лицам всех сословий. При выходе из духовного сословия сыновьям духовенства присваивалось личное дворянство, а сыновьям церковнослужителей – личное почетное гражданство. Кроме того, согласно уставу о земствах 1864 г. клиру предоставлялось активное и пассивное избирательное право в органы самоуправления в уездах и губерниях. Манифест 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной думы и законы о выборах предусматривали все виды избирательного права для духовенства.

Выражением коммуникации на этом уровне стало распространение средств массовой информации религиозной направленности и участие духовенства в различных общественных организациях просветительской, гуманитарной и интеллектуальной направленности.

На общецерковном уровне роль официального издания принадлежала до 1888 г. «Церковному вестнику», потом – «Церковным ведомостям», на епархиальном уровне – «Епархиальным ведомостям». Кроме того, выходили «Вера и церковь», «Православный собеседник», «Церковно-приходская школа», «Приходская жизнь», «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Кормчий», «Воскресение», «Воскресный день», «Духовная беседа», «Странник», «Доброе слово» «Миссионерский сборник», «Православный путеводитель», «Миссионер», «Вера и разум», «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», «Православное обозрение», «Душеполезное чтение», «Монастырь», «Русский паломник», «Вестник военного духовенства» и некоторые другие [Шимолин, 2010, с. 11].

Коммуникация на уровне *церковь – общество* подразумевала и комплексное осмысление роли церкви, формулы легитимности установившихся отношений, которые «кодировались» бы в информационных потоках. В правление Николая I «прорисовывались» контуры знаменитой триады: Православие, Самодержавие, Народность (ПСЗИ, т. 1, с. 773). Реальное наполнение православия в качестве структурного атрибута нации происходило в правления Александра II и Александра III. Это выразилось в усилении государственной опеки над церковью, появлении соответствующих общественно-политических доктрин, дискриминации неправославных христианских конфессий. Символическим проявлением роли церкви стало помпезное празднование религиозных юбилеев. В 1883 г. отмечали пятисотлетие явления иконы Тихвинской Божией Матери, 100 лет со дня преставления святителя Тихона Задонского и освящение храма Христа Спасителя. В 1885 г. праздновали

тысячелетие св. Кирилла и Мефодия. В 1888 г. отмечали девятисотлетие крещения Руси, а в 1889 г. – пятидесятилетие «воссоединения» униатов с православной церковью.

Однако на рубеже XX в. данная модель переживает кризис. Во-первых, коммуникация с участием церкви должна была существенно видоизмениться, приобретя индивидуализированный характер, и, как следствие, избавиться от социально-политических составляющих. Во-вторых, государство с развитием средств массовой информации, транспортных путей, созданием собственных служб, постепенным увеличением городского населения перестаёт нуждаться в роли церкви как уникального посредника. В указанное время интерес государства к церкви диктовался в основном соображениями идеологического характера. Между тем манифест 1905 г., предоставивший населению гражданские свободы «на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», подразумевал максимальную независимость церкви от государства.

Да и сама церковь стремилась освободиться от государственной опеки и более осторожно относиться к различным политическим течениям. Первенствующий член Святейшего синода митрополит Антоний (Вадковский) в 1905 г. заявлял: «Если не изменить правового положения господствующей Церкви, она одна будет оставлена стесненной опекой государства», и эта опека «делает голос Церкви совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни» [Цыпин, 2004].

Таким образом, основными сферами коммуникации православной церкви в конце XVIII – начале XX в. были внутрицерковная, государственно-церковная, приходская (или более широко, церковь – общество). Роль белорусско-литовских православных епархий определялась конфессиональной спецификой региона, институциональными особенностями православной церкви и общими тенденциями развития социальной системы Российской империи. Церковь являлась естественным средством взаимодействия монархии и подданных как в силу отсутствия собственных каналов коммуникации, так и в связи с необходимостью легитимации социальных отношений в глазах аристократии и других социальных элит.

В первой половине XIX в. участие церкви в интенсификации коммуникативных процессов имело скорее эмпирический характер и лишь в правление Николая I вышло на начальный уровень систематики и концептуального осмысления. Во второй половине XIX в. православная церковь рассматривалась уже как важнейший фактор формирования российской нации. Это актуализировало внимание государства к православию. Был проведён ряд реформ, призванных оживить все уровни церковной коммуникации. Некоторые из этих преобразований (создание церковных братств, советов благочинных, церковно-приходских школ) инициировались на территории белорусско-литовских епархий либо получали в них наибольшее распространение. Тем не менее к концу XIX в. православная церковь перестала отвечать ожиданиям, вызванным её универалистской ролью в коммуникации. Предоставление религиозных свобод в 1905 г., создание собственных каналов взаимодействия государства и подданных обусловили стремление церкви к автономизации и занятию своей ниши в коммуникативных процессах современного общества.

Примечания

¹ Термин «церковь», применяется в социально-административном смысле, как церковь-клир, а не в экклезиологическом, которое не ограничивается реальным временем и пространством, включает в себя все жившие и живущие поколения христиан, небесную иерархию.

Список источников

Извлечение из отчёта по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. СПб., 1851. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 6960, 24443, 1901, 19402; Ф. 2001. Оп. 1. Д. 323; Ф. 3219. Оп. 1. Д. 753; Ф. 3021. Оп. 1. Д. 312а; Ф. 3020. Оп. 1. Д. 14; Ф. 2301. Оп. 1. Д. 7.
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1830. Т. 1, 17, 24, 26, 28, 29, 32.
Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. М., 1879.

Библиографический список

Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и первой половине XIX столетия. Казань, 1899.

Григорьев С.Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Извеков Н.Д. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. М., 1899.

Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.). Минск, 1998.

Рункевич С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832). СПб., 1893.

Смолич И. История Русской Церкви. 1700–1917. URL: http://royallib.com/read/smolich_igor/istoriya_russkoy_tserkvi_17001917_gg.html#1351680 (дата обращения: 18.04.16).

Цытин В. История Русской Церкви (Синодальный период). URL: http://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyplin/istorija-russkoj-tserkvi-sinodalnyj-period (дата обращения: 20.04.16).

Шавельский Г.И. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910.

Шимолін В. І. У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. Минск, 2010.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.06.2016

THE ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY OF NORTHWESTERN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE: FEATURES OF COMMUNICATION (LATE 18TH–EARLY 20TH CENTURIES)

P. V. Shevkun

Vitebsk State Medical University, Frunze ave., 27, 210023, Vitebsk, Belarus
p.shevkun@mail.ru

The role of the Church as an element of communication on the territory of Northwestern provinces of the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries is revealed in the article. The importance of the Church in the exchange of information was presented in its role as a unique means of broadcasting government orders to the population, collecting information, legitimating social relations and education. The role of the Belorussian-Lithuanian Orthodox dioceses was determined by confessional specificity of the area, institutional peculiarities of the Orthodox Church, and general trends in the development of the Russian Empire's social system. On this basis, the author identified the following trends in communication: communication inside the Church, state-ecclesiastical communication, parochial communication, and communication between the Church and society (with the emergence of mass media). Revealing the contents of those trends the author states that, in the first half of the 19th century, participation of the Church in intensification of communicative processes had rather an empirical character. During Nicholas I reign, the initial level of systematical and conceptual understanding was achieved. In the second half of the 19th century, the Orthodox Church was already regarded as the most important factor of the Russian nation's formation. It was demonstrated through intensification of the state custody over the Church and the decrease of its role as a unique channel of communication between the state and the citizens. Several innovations of that time (church communities, councils of rural deans, and parochial schools) were either originated on the territory of the Northwestern provinces or became the most frequent practice there. But at the turn of the 20th century, the model, in terms of which the key role of the Church in social communication was stated, lost its urgency.

Key words: communication, society, the Orthodox Church, diocese, Northwestern provinces.

References

Blagovidov F.V. Ober-prokurory Svyateyshego Sinoda v XVIII i pervoy polovine XIX stoletiya. Kazan', 1899.

Grigor'ev S.L. Religioznye vzglyady i religioznaya politika Pavla I: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2004.

Izvekov N.D. Istoricheskiy ocherk sostoyaniya pravoslavnoy tserkvi v Litovskoy eparkhii za vremya s 1839–1889 g. M., 1899.

Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.). Минск, 1998.

Runkevich S.G. Istoriya Minskoy arkhiepiskopii (1793–1832). SPb., 1893.

Shavel'skiy G.I. Poslednee vossoedinenie s pravoslavnoy tserkov'yu uniatov Belorusskoy eparkhii (1833–1839 gg.). SPb., 1910.

Shimolin V. I. U istokov belorusskoy pechati: eparkhial'nye vedomosti vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. Minsk, 2010.

Smolich I. Istoriya Russkoy Tserkvi. 1700–1917. URL: http://royallib.com/read/smolich_igor/istoriya_russkoy_tserkvi_17001917_gg.html#1351680 (data obrashcheniya: 18.04.16).

Tsyplin V. Istoriya Russkoy Tserkvi (Sinodal'nyy period). URL: http://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyplin/istorija-russkoj-tserkvi-sinodalnyj-period (data obrashcheniya: 20.04.16).